

*Л. И. Смирнова,
старший научный сотрудник Государственного
исторического музея*

**«Если будешь ты в Твери...»
(Новые материалы ОПИ ГИМ по истории
Тверского края в Пушкинскую эпоху)**

Перенесемся в 20-е годы позапрошлого века.

Героями нашего доклада будут сам Александр Сергеевич Пушкин и его тверские друзья – Федор Николаевич Глинка и Алексей Николаевич Вульф. Казалось бы, что нового можно сообщить по этой теме? Однако среди бумаг знаменитого архивиста Петра Ивановича Бартенева, который, по мнению профессора Исторического факультета МГУ С.С. Дмитриева, был «одним из основателей изучения биографии Пушкина»¹, нашлись некоторые интересные, на наш взгляд, материалы. С 1859 г. Бартенев заведовал знаменитой библиотекой А.Д. Черткова, при которой с 1863 г. начал издаваться не менее знаменитый историко-литературный журнал «Русский архив». Этим и объясняется, что в фонде Чертковых сохранились бумаги портфеля (как тогда говорили) «Русского архива».

Начнем по хронологии. Хорошо известна история о том, как Федор Глинка, а вслед за ним и санкт-петербургский генерал-губернатор Михаил Андреевич Милорадович в 1820 году хлопотали за Пушкина, впавшего в немилость к императору Александру I за «противу правительственные стихи» (поэту угрожала ссылка в Сибирь или заключение в Соловецкий монастырь). Полтора века прошло с того времени, как Бартенев сделал ее достоянием широкой общественности, опубликовав в

¹ Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 165.

«Русском архиве»² текст письма Ф. Глинки с рассказом об этом драматическом эпизоде в жизни Пушкина, который в дальнейшем, – полностью или с купюрами, неоднократно публиковался³.

Вопрос заключается в степени корректности передачи автографа Глинки. Бартнев превратил (как это часто практиковалось в то время) письмо в воспоминания, отбросив лишние (по его мнению) фразы и убрав архаизмы, сам озаглавил публикацию – «Удаление Пушкина из Петербурга».

При этом пропали важные, по нашему мнению, нюансы взаимоотношений двух поэтов, слог письма Глинки и ценная информация.

Нам удалось обнаружить подлинный автограф (фрагмент его можно видеть) письма Ф.Н. Глинки издателю журнала «Русский архив» П.И. Бартневу с правкой рукой Бартенева. Письмо написано крупным, «возрастным» почерком (Глинке в это время было уже 80 лет), но по ясности и четкости изложения видно, что его автор полностью восстановил в памяти судьбоносное для Александра Сергеевича и самого Федора Николаевича событие и сохранил присущий ему замечательный слог.

Курсивом выделено то, что не вошло в текст публикации Бартенева или было им произвольно отредактировано. Подчеркнутые слова принадлежат Глинке.

*«1866. Г. Тверь Апреля 3-е число
Милостивый Государь
Петр Иванович!*

На письмо Ваше от 21-го марта отвечал бы я сейчас, если бы грип в несколько дней и затем наставшие дни визитов не помешали мне. Я с вами уже вполнину знаком по вашему прекрасному изданию, которым пользовался прежде в Клубе, а

² Русский архив. 1866. С. 918.

³ См.: Вересаев В. «Пушкин в жизни». М., 1936. Т. 1. С. 13–136; «Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками». М., 1987. Т. 1. С. 321; «Пушкин и современники». Т. VII. С. 73–76; «Пушкин в воспоминаниях современников» М., 1985. Т. 2. С. 210–212; «Временник Пушкинской комиссии» Л., 1969. Т. 1. С. 59–61 и др. См. подробнее: и «Пушкинская энциклопедия. 1799–1999. М., 1999. С. 241.

теперь выписал для себя и читаю, зачитываюсь и не могу начитаться Русского Архива. Тем охотнее отвечал бы я на ваш вопрос, да время еще не пришло раскрывать всю подноготную, а потому с некоторою сдержанностью я расскажу, сколь можно короче, как дело было.

Познакомившись и сойдясь с Пушкиным с самого выпуска его из Лицея, я очень его любил как Пушкина и уважал как в высшей степени талантливое поэта. Кажется, и он был ко мне постоянно симпатичен [*правка рукой Бартенева: это чувствовал и потому*] и позволял мне говорить ему прямо на прямо насчет тогдашней его разгульной жизни. Мне удалось даже отвести его от одной дуэли. Но это постороннее. Приступаю к делу.

Раз утром, выхожу я из своей квартиры (на Театральной площади) и вижу Пушкина, идущего мне навстречу. Он был, как и всегда, бодр и свеж. Но обычная (по крайней мере, при встрече со мною) улыбка не играла на его лице, и легкий оттенок бледности замечался на щеках. «Я к вам!» – «А я от себя». И мы пошли вдоль площади. Пушкин заговорил первой [у Бартенева: первый]. «Я шел к вам посоветоваться. Вот видите: слух о моих и не моих (под моим именем) пиэсах, разбежавшихся по рукам, дошел до правительства. Вчера, когда я возвратился поздно домой, мой старый дядька объявил, что приходил в квартиру какой-то неизвестный человек и давал ему пятьдесят рублей, прося ему на прочтение [*рукой Бартенева: дать почитать*] мои сочинения и, уверяя, что скоро принесет их назад. Но мой верный старик⁴ не согласился, а я взял, да и сжег все мои бумаги».

При том рассказе я тотчас узнал Фогеля с его проделками. «Теперь, – продолжал Пушкин, немного озабоченный, – теперь меня требуют к Милорадовичу. Я знаю его по публике, но не знаю, как и что будет и с чего с ним взяться? ... Вот я и шел посоветоваться с вами». Мы прислонились к стенке [*рукой Бартенева: Мы остановились*] и обсуждали дело со всех сторон.

⁴ Речь идет о Никите Тимофеевиче Козлове, «дядьке» поэта.

В заключение я сказал ему: «Идите прямо к Милорадовичу, не смущаясь и без всякого опасения. Он не поэт, но в душе и рыцарских⁵ его выходках у него много романтизма и поэзии: его не понимают! Идите и положитесь безусловно на благородство его души: он не употребит во зло вашей доверенности». Тут еще поговорив немного, мы расстались. Пушкин поехал к Милорадовичу, а мне путь лежал в другое место.

Часа через три явился и я к Милорадовичу, при котором, как генерал-губернаторе, состоял я, по Высочайшему повелению по особым поручениям в чине полковника гвардии. Лишь только ступил я на порог кабинета, Милорадович, лежавший на своем зеленом диване, окутанный дорогими шальями, закричал мне навстречу: «Знаешь, душа моя! (это его поговорка), у меня сейчас был Пушкин. Мне ведь велено взять его и забрать все его бумаги, но я счел более деликатным (это тоже любимое его выражение) пригласить его к себе и уж от [рукой Бартенева: него] самого требовать его бумаги. Вот он и явился, очень спокоен, с светлым лицом [у Бартенева: лицом], и когда я спросил о бумагах, он отвечал: «Граф! Все мои стихи сожжены! У меня ничего не найдете в квартире, но, если вам угодно, все найдется здесь (указал пальцем на свой лоб). Прикажите подать бумаги, я напишу все, что когда-либо написано мною (разумеется, кроме печатного) с отметкою, что мое и что разошлось под моим именем». Подали бумаги, Пушкин сел и писал, писал ... и написал целую тетрадь... Вон она (указывая на стол у окна), полюбуйся... Завтра я отвезу ее Государю. А, знаешь ли? Пушкин пленил меня своим благородством, тоном и манерою (это тоже его словцо) обхождения».

После этого перешли к очередным делам, а там занялись разговорами о собственных делах графа, о Вороньках (имени

⁵ Девизом графа Михаила Андреевича Милорадовича, героя Итальянского и Швейцарского походов А.В. Суворова 1799 г., баталий с французами 1805–1807 и 1812–1814 гг., был «Рыцарь без страха и упрека».

в Полтавской губернии), где он выстроил великолепный дом, развел чудесный сад (он очень любил садоводство) и всем этим хотел пожертвовать для заведения института благородных девиц Полтавской губернии.

На другой день я постарался придти [у **Бартенева**: пришел] к Милорадовичу пораньше и поджидал возвращения его от Государя [у **Бартенева**: Он возвратился от Государя] Он возвратился и первым словом его было: «Ну, вот дело Пушкина и решено!». Разоблачившись потом от мундирной формы, он продолжал: «Я вошел к Государю со своим сокровищем, подал Ему тетрадь и сказал: «здесь все, что разбрелось в публике, но вам, Государь, лучше этого не читать!». Государь улыбнулся на мою заботливость. Потом я рассказал подробно, как у нас дело было. Государь слушал внимательно, а, наконец, спросил: «А что ж ты сделал с автором?» «Я? – сказал Милорадович, – я объявил ему от имени Вашего Величества прощение!». Тут мне показалось, – продолжал Милорадович, – что Государь слегка нахмурился. Помолчав немного, он с живостью сказал: «Не рано ли?». Потом, еще подумав, прибавил: «Ну, коли уж так, то мы распорядимся иначе: снарядить Пушкина в дорогу, выдать ему прогоны и, с соответствующим чином и с соблюдением возможной благовидности, отправить его на службу на юг!».

Вот как было дело.

Между тем, в промежутке двух суток, разнеслось по городу, что Пушкина берут и ссылают. Гнедич, с заплаканными глазами (я сам застал его в слезах), бросился к Оленину. Карамзин, как говорили, обратился к Государыне [**Бартенев**: Марии Федоровне], а (*незабвенный для меня*) Чаадаев хлопотал у Васильчикова, и всякий старался замолвить слово за Пушкина. Но слова шли своей дорогою, а дело исполнялось буквально по решению.

Кто таков помянутый здесь Фогель? Фогель был одним из знаменитейших, современных ему, агентов тайной полиции. В чине надворного советника он числился (для вида) по полиции, но действовал отдельно и самостоятельно. Он хорошо говорил

по-французски, знал немецкий язык, как немец, говорил и писал по-русски, как русский. Молодежь называла его библейской птицею, потому что, кажется, у Сираха сказано: «Не говори худого о властях, ибо птица (Vogel) перенесет слова твои!!!»

Во время Семеновской истории⁶ он много работал и удивлял своими донесениями. Служил он прежде у Вязмитинова, и вот один из фактов его искусства в ремесле.

В конце 1811 года, с весьма секретными бумагами на имя французского посла в С.-Петербурге выехал из Парижа тайный агент. Его перехватили и провезли прямо в Шлюссельбургские казематы, а коляску его представили Балашову, по приказанию которого ее обыскали, ничего не нашли и поставили в сарае с министерскими экипажами. Фогеля послали на разведку. Он разведкал и объявил, что есть надежда открыть, если его посадят как преступника, рядом с заключенным. Так и сделали. Там, отделенный только тонкою перегородкою от номера арестанта, Фогель своими вздохами, жалобами и восклицаниями привлек внимание француза, вошел с ним в сношение, выиграл его доверенность и через два месяца неволи вызнал всю тайну. Возвратясь в Санкт-Петербург, Фогель отправился прямо в каретный сарай, снял правое заднее колесо у коляски, велел отодрать шины и из выдолбленного под ним углубления достал все бумаги, которые, как оказавшиеся чрезвычайно важными, поднес министру.

Вот какого полета была эта птица, носившаяся и над головою Пушкина!

Вот все, милостивый государь, что в ответ на письмо ваше я мог вам написать с памяти о делах давно минувших дней и преданьях старины глубокой»⁷.

В тексте письма упоминаются министр полиции Александр Дмитриевич Балашов, Санкт-Петербургский главнокомандующий

⁶ Имеется в виду выступление солдат лейб-гвардии Семеновского полка в октябре 1820 г. против бесчеловечного обращения с ними нового командира полка Г.Е. Шварца.

⁷ ОПИ ГИМ. Ф.445. Ед. хр. 93. Л. 39–42 об.

в 1805–1820 гг. Сергей Кузьмич Вязмитинов, генерал Илларион Васильевич Васильчиков, также герой 1812 года, в то время командовавший отдельным резервным кавалерийским корпусом, адъютантом которого был ротмистр Петр Яковлевич Чаадаев, будущий знаменитый философ, президент Академии художеств Алексей Николаевич Оленин, знаменитый переводчик «Илиады» и «Одиссеи» Николай Иванович Гнедич (близкий знакомый Пушкина) и, наконец, великий историк Николай Михайлович Карамзин.

По-разному сложились их судьбы. Федор Глинка, который проделал с Милорадовичем весь боевой путь 1805–1814 г., был арестован по делу декабристов, но наказание понес не самое суровое: был переведен на гражданскую службу и сослан сначала в Петрозаводск, а затем в Тверь. Именно в Твери Глинку посетил Пушкин, как известно, в 1830 г. вместе со своим другом князем Петром Андреевичем Вяземским⁸. А вот Милорадович, которого солдаты буквально боготворили, был убит во время восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. декабристом Петром Каховским именно из-за своей огромной популярности.

В том же собрании Бартенева сохранились выполненные в 1860-е годы копии семи писем Пушкина к Алексею Николаевичу Вульфу.

Эти письма опубликованы в академическом Полном собрании сочинений А.С. Пушкина⁹ и прекрасно известны. Позволим себе обратить внимание лишь на некоторые дополнения.

Первое письмо от 20 сентября 1824 г., из Михайловского в Дертт, письмо содержит стихотворение поэта:

«Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой...»

⁸ А.С. Пушкин в Тверском крае. М., 2003. С. 54.

⁹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. Письма. Т. X. М., 1958. С. 100, 137–138, 179, 187–188, 206, 252–253, 261.

Стихотворение публикуется отдельно от письма¹⁰.

Как явствует из его копии, сделанной для П.И. Бартенева, к строкам Пушкина сделана приписка рукой Анны Николаевны Вульф, жившей в то время в Михайловском:

«Александр Сергеевич вручил мне это письмо к тебе, мой милый друг; он давно собирается писать к тебе и Языкову; но я думала, что это только будет на словах. Пожалуйста, отдай тут вложенное письмо Языкову, и, ежели можно, употреби все старания уговорить его, чтобы он зимой сюда приехал с тобой. Пушкин этого очень желает, покамест, пожалуйста, отвечай скорее на это письмо и пришли ответ от Языкова скорее. Сегодня я тебе писать много не могу. Пушкины оба у нас, теперь я пользуюсь временем, как они ушли в баню. Я надеюсь, что твое беспокойство насчет А.П. кончилось. Пожалуйста, моя душа, ежели можешь, пришли мне книг, я боюсь тебе надоесть этой просьбой, но так и быть, полагаюсь на твою братскую дружбу. Прощай, моя радость. С нетерпением будем мы ожидать твоего ответа. Не забывай тебе душою преданную Анну Вульф. Сентября 20 1824 года.

Лев¹¹ тебя целует»¹²

Языкову Пушкин писал четыре раза. Но в данном случае имеется в виду его замечательное стихотворное послание, написанное одновременно со стихотворением, посвященным Вульф:

«Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз,
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновению...»¹³

¹⁰ Там же. Т.2. Стихотворения 1820–1826. М., 1958. С. 188.

¹¹ Имеется в виду Л.С. Пушкин.

¹² ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 93. Л. 43–44 об.

¹³ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 2. С. 189–190.

Второе письмо – из Тригорского – в академическом собрании датируется мартом–апрелем 1825 г. На обороте этого письма рукой Прасковьи Александровны Осиповой (матери Алексея и Анны Вульф) написано:

«Очень хорошо бы было, когда бы вы исполнили ваше предположение приехать сюда. Алексей, нам нужно было бы потолковать о твоём путешествии, хотя я не имею чести знать Языкова, но от моего имени пригласи его, чтобы он оживил Тригорское своим присутствием»¹⁴.

Третье письмо (из Михайловского) в Полном собрании сочинений датируется концом августа 1825 г.¹⁵. Между тем рукой Вульфа (как следует из копии, сделанной для Бартенева) приписано: «Сентяб. 825 года»¹⁶.

Четвертое письмо, также из Михайловского от 10 октября 1825 г., заканчивается фривольной пародией на стихи Языкова:

«Как широко,
Как глубоко!
Нет, Бога ради,
Позволь мне сзади etc»¹⁷.

Последняя строчка опущена в советском издании пушкинского наследия¹⁸. Можно сказать, что Пушкин подтрунивал над порой гипертрофированным романтизмом Языкова.

В пятом письме от 7 мая 1826 г. упоминается Анна Петровна Керн и ее муж Ермолай Федорович Керн, генерал-лейтенант, участник Отечественной войны.

Шестое письмо, посланное 27 октября 1828 г. из Малинников в Петербург, начитается так: «Тверской Ловелас

¹⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 93. Л. 45.

¹⁵ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 10. С. 179.

¹⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 93. Л. 47–47 об.

¹⁷ Там же. Л. 46 об.

¹⁸ Пушкин А.С. Т. 10. С. 188. Речь идет о стихотворении Языкова «Буря», начинавшееся словами: «Громадные тучи нависли широко...».

С.-Петербургскому Вальмону здоровья и успехов желает...»¹⁹.

И, наконец, последнее, седьмое письмо, написанное также из Малинников 16 октября 1829 г. Необходимо сделать небольшое отступление. В письме упоминается Екатерина Ивановна Гладкова (1805–1895), младшая дочь Ивана Ивановича и Надежды Гавриловны Вульф. В 1825 г. она вышла замуж за Якова Павловича Гладкова, ротмистра Оренбургского полка, расквартированного в то время в Старицком уезде. Известно, что впоследствии Екатерина Ивановна оставила воспоминания о поэте, который неоднократно встречался с ней во время своих приездов в Тверскую губернию²⁰.

Неизвестно, впрочем, знакома ли была Екатерина Гладкова с язвительным отзывом о ней Пушкина: «В Берново я не застал уже толстож...ю Минерву. Она со своим ревнивцем отправилась в Саратов»²¹.

Упоминается в письме и сам 53-летний Иван Иванович Вульф, владелец Берново: «Иван Иванович Вульф на строгой диете (употребляет своих одалисок раз в неделю)»²². Во всяком случае он-то уж заслуживал подобной характеристики.

В заключение позволим себе несколько цитат из документов уже 20-х годов XX века (материалы из фонда Наркомпроса). В 2012 г. мы уже рассказывали о том, как в первые годы советской власти с огромными трудностями был спасен архив Вульфов, который вывезли из села Соколово в Петроград, в Пушкинский Дом. В эти трудные годы спасти ценности Тверского края помогали и потомки людей, знакомых с Пушкиным. Так, в докладе о деятельности Подотдела по делам музеев и охране

¹⁹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 10. С. 252. Вальмон – герой романа французского писателя, генерала Шодерло де Лакло «Опасные связи», образ сердцеда).

²⁰ Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 100.

²¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 10. С. 262; ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед.хр. 93. Л.51.

²² Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 10. С. 261; ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед.хр. 93. Л.50; Пушкинская энциклопедия. С. 238.

памятников искусства и старины при Тверском губернском отделе народного образования за январь–май 1919 г. говорится, что во главе Старицкого подотдела по охране памятников искусства и старины стоял «вполне компетентный человек» – Евгений Александрович Клодт, «знаток живописи и старины, который прочел курс лекций «по истории искусства вообще и о ценности и значении памятников искусства и старины в частности». Это был внук барона Петра Карловича Клодта, известного скульптора, автора знаменитых «клодтовых коней» на Аничковом мосту в Петербурге. Пушкин был хорошо знаком с его родным братом, генерал-лейтенантом Владимиром Карловичем²³.

В настоящее время проводятся работы по восстановлению старинных усадеб Тверского края. И все же, к сожалению, не потеряли актуальности строки Отчета по Тверскому губернскому комитету «по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы» за 1923/24 гг.: «Положение, в котором приходится проводить работу Комитету, крайне трудно, как вследствие отсутствия необходимых средств, так и недостатка сотрудников. Из Центра на нужды Губмузея не отпускается вовсе ничего, совершенно ничтожны и ассигнования из местных средств». Музейные сотрудники «бессильны развить активную деятельность, вынуждены часто лишь наблюдать, как гибнет безвозвратно наше культурное достояние». В представлении из Тверского губернского комитета в Отдел искусства Наркомпроса по секции охраны памятников искусства и старины говорилось: «Во многих уездах Тверской губернии имеются бывшие помещичьи усадьбы, представляющие более или менее значительный художественный, либо исторический интерес по внешней архитектуре, внутренней отделке, мебели, картинам, статуям, библиотекам, семейным архивам, распланировке садов

²³ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 940. Л. 5, 14, 54 об.

1866. Т. Мухом. Аргент. 3-е число.

39

Муниципальный Совет,

Гонимый и беснованный!

На публике я слышал, что вы, г-н Мухомов, сели
в тюрьму и сейчас, вышло Урбен на свободу
дней и затем в распоряжение д-на Вульф
капитаном или кем. Я в вашу очередь
всему знакомому по-прежнему Мухомову
по-прежнему, по-прежнему по-прежнему Мухомову
в Кироба, а теперь вступают для себя
и читая, держиваясь и келью Мухомову
Мухомову Мухомову. — Там же Мухомову
бы я не вижу вопрос, да время еще не
принимает утверждать Мухомову, а Мухомову
с некоторой Мухомову, а Мухомову
может быть, как Мухомову. — Мухомову
по-прежнему и сейчас Мухомову Мухомову
вступая Мухомову, а Мухомову
как Мухомову и Мухомову Мухомову
таинственно Мухомову, и Мухомову.

Домъ Гитлера, носившаяся и по
голове Пушкина!

Домъ всѣмъ милосерднѣе Толстого!

Что, въ отвѣтъ на такое возмездіе
и моль вамъ кажутся съ Пастернаком
Оглодекъ равно минувшимъ и что
преданьяхъ Островскаго Елѣтскому

Гаетъ обити,

Мини Ландука!

Вамъ поразило преданіе Сидорова

О Гитлерѣ

и парков и т. п. Степень сохранности этих усадеб различная, но все они ветшают и разрушаются, за отсутствием необходимых ремонта и охраны, не исключая и тех из них, которые по своей выдержанности в стиле определенной эпохи, главным образом, второй половины XVIII – первой четверти XIX вв. и незначительно затронутой последующими наслоениями и изменениями, заслуживали бы обращения их в показательные усадьбы ..., могущие характеризовать культуру и быт прошлого». Предлагалось организовать их «по системе интерьеров с восстановлением, в стиле эпохи, первоначальной архитектуры зданий и распланировки садов»²⁴.

И ярким примером такой «показательной усадьбы» является усадьба Вульфов, где вот уже 44 года располагается музей А.С. Пушкина.

²⁴ Там же. Л. 17–18, 60.

*Посвящены памяти Л. А. Казарской,
заслуженному работнику культуры*

**Пушкинские чтения.
с. Берново.**

Старица, 2015